

Иван Алексеевич Бунин

СООТЕЧЕСТВЕННИК

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Этот брянский мужик мальчишкой был привезен в Москву из деревни, состоял на побегушках при купеческом амбаре на Ильинке, стрелой летал в трактиры за кипятком: схватит медный чайник и мчится в галереях Старых Рядов, темной водяной струей выписывая по серому полу цифру восемь... бойкий зимний день, идет снежок, Ильинка чернеет народом, бегут, тасуются извозчичьи лошади, а он, в одной рубашке, без шапки, - голова у него похожа на красного ежа, - срывается с тротуара, выскочив на улицу, и жжет на подошвах по льду в канавке...

Представьте же, как странно видеть этого мужика в тропиках, под экватором! Он сидит в своей конторе, в старинном доме голландской постройки. За окнами - жаркий белый город, голые черные рикши, магазины драгоценных камней, отели, полные туристов со всех концов земли, в теплой зеленой воде гавани - американские и японские пароходы, за гаванью, на низменных побережьях, - кокосовые леса... Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, - от зноя, нервности, постоянного хмеля и деловитости, - с виду он не то швед, не то англичанин. Письменный стол его весь завален бумагами, счетами. Кругом стоит сухой треск ремингтонов. Старик-индус, босой, в халате и тюрбане, бесшумно и быстро меняет своими темными, изящными руками в серебряных кольцах бутылочки холодной содовой воды и поминутно, с таинственной миной, докладывает о посетителях, к каждому слову прибавляя: сэр. А сэр весь поглощен, - или притворяется, что поглощен, - беседой с гостем из России, перед которым он играет роль радушного хозяина этого тропического острова. На столе несколько раскрытых коробок с дорогими сигарами, с турецкими, египетскими, английскими и гаванскими папиросами. Он знаток в табаках, - как и во всем, впрочем, - он угощает то тем то другим... Мельком взглянув на поданную бумагу, он, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидев входящего посетителя, меняет выражение лица, двумя, тремя фразами кончает дело и снова подхватывает прерванную беседу; принимая депешу, разрывает ее как-то особенно небрежно, на мгновение нахмуривается, пробегаю: "А, идиоты!" - крепко выговаривает он с досадой и, отбросив в сторону, тотчас забывает или притворяется, что забывает о ней... У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, - купцов, администраторов, врачей, журналистов, - он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй!

Гость еще в Порт-Саиде много слышал о нем от одного его приятеля, с циничной веселостью говорившего, что Зотов прошел огонь, воду и медные трубы: "Да-а, - говорил этот приятель, покачивая головой с насмешливой и загадочной улыбкой, - хорош мальчик!" На месте гость узнал еще больше и главным образом из отрывочных фраз самого же Зотова. Странно, неожиданно проявляются таланты на Руси и чудеса делают он при счастливых жребиях! А он вынул жребий необыкновенно счастливый, прибыв в Москву мальчишкой. Был у него там дядя, сытый, умный мужик, уже приобретший и достаток и сознание собственного достоинства, ловко умевший, не роняя себя, услужить порядочному господину. Работал этот дядя в Сандуновских банях, и многие, кого окружал он облаками горячей и душистой мыльной пены, звали его по имени, любили поговорить с ним. Любил и Нечаев, либеральный, образованный крез, большой, полный купец в золотых очках. Мудрено ли было, накинув на розовое распаренное тело скользкую, тонкую простыню, замолвить словечко о мальчишке-племяннике? И мальчишка попал не дратву сучить, не утюги раздувать, а в сумрачный, чистый и тихий амбар на Ильинке, Все остальное было делом его личной живости и талантливости. Как начинают эти счастливицы и самородки, - известно: днем мальчишка на побегушках, вечером по собственной охоте, без всяких руководителей, корпит при тусклом огарке, учится читать, писать; утром, до прихода приказчиков, ничего не понимая, но упрямо одолевает газету; а только чукнут приказчики - он уже тут как тут, как лист перед травой, ловит каждое слово, каждый взгляд... Лет двенадцати этот мальчишка, обративший на себя исключительное хозяйское внимание, был взят в хозяйский дом, а на восемнадцатом году был уже в Германии, изучал бумажное дело, работал не хуже любого немца: иностранцы будто бы верить не хотели, что он русский. "Часто не верят и теперь, болваны!" - говорит Зотов, по своему обыкновению